

Не Гэнлань приготовился к новой вспышке тошноты. Однако прохладные пальцы незнакомца лишь мягко коснулись его лба, не выказывая никаких враждебных намерений.

Вместо ожидаемого омерзения юноша ощутил тепло. Оно хлынуло от точки между бровей прямо в конечности, мгновенно расслабляя зажатые мышцы и разгоняя застоявшуюся кровь в онемевших меридианах.

— Не бойся, — раздался холодный, отстранённый голос Человека в белом одеянии.

В следующий миг он словно замер в замешательстве. Давление на лоб юноши едва заметно усилилось. Прежде чем Не Гэнлань успел хоть что-то сообразить, незнакомец, по-видимому, утвердился в какой-то своей догадке и тут же убрал руку.

Внезапно в отдалении вспыхнули две яркие полосы света, стремительно приближаясь к ним.

— Тварь! А ну стоять!

Это всё ещё были владения клана Не.

Гэнлань широко распахнул глаза. Он узнал голоса: это спешили на помощь его отец, Не Чжунъюань, и мать. Прежде чем юноша успел издать хоть звук, размытый белый силуэт растаял без следа. Самому же Гэнланю не дали упасть — его тело плавно зависло в воздухе, бережно удерживаемое прозрачной, похожей на мыльный пузырь сферой.

— Это Гэнлань! — первой заметила его Шэнь Дуаньфэн.

Супруги тут же приземлились, с двух сторон подхватив юношу. Белый силуэт к тому моменту бесследно растворился в ночи.

Не Чжунъюань нахмурился.

— Этот Человек в белом одеянии уже скрылся. Негодяй невероятно силён. Раз он сумел просочиться сквозь защитный массив нашей горы так, что никто даже не шелохнулся, иметь с ним дело будет непросто. Разумнее всего сначала увести Гэнланя.

Шэнь Дуаньфэн тоже не видела смысла в слепой погоне. Супруги поднялись на мечи и полетели обратно в поместье семьи Не.

Когда они вернулись во внутренний двор усадьбы, их ждали не только близнецы — там же, неизвестно когда успев прийти, стоял Не Юньчжэнь.

Лицо Не Чжунъюаня заледенело. Он сурово приказал:

— Юньфэй, Юньцзинь, Гэнлань! Живо отвечайте, какого чёрта вы забыли на заднем склоне горы? С чего вдруг вздумали там шататься?

Только сейчас Не Гэнлань вспомнил, почему вообще побежал туда. Вздвогнув, он инстинктивно сжал висевшую на поясе яшмовую подвеску. Пока он колебался, стоит ли выкладывать чистую правду, Не Юньфэй поспешил переложить вину на него.

— Отец, матушка! Этот смертный пытался отобрать подвеску, которую брат Юньчжэнь подарил сестрёнке! Нам стало так обидно за неё, что мы погнались за ним и случайно забрели на задний склон горы!

Взгляд Не Гэнланя заледенел. От ярости на его губах заиграла горькая усмешка:

— Эту подвеску подарил мне Не Юньчжэнь. Он сказал, что она согревает зимой, охлаждает летом и оберегает от скверны.

— Тьфу, бесстыдник! — выплюнул Не Юньфэй. — С какой стати брату Юньчжэню дарить её тебе? Этой вещью могут пользоваться только те, у кого есть духовная энергия!

Круглое лицо мальчика покраснело от мнимой обиды. Он выглядел так, словно пострадал больше всех в мире, а на его ресницах уже дрожали фальшивые, чистые как роса слезинки. Повернувшись к сестре и старшему брату, он взмолился:

— Брат Юньчжэнь, ну скажи же отцу и маме! Ведь ты подарил эту подвеску сестрёнке Юньцзинь, правда?

Под выжидающими взглядами родителей Не Юньчжэнь не торопясь перевёл взор на Не Гэнланя. Своими словами он вдребезги растоптал надежду младшего брата.

— Эту подвеску я действительно отдал Юньцзинь. Малышке очень понравилась эта безделушка, вот она и выпросила её у меня. Но я не думал... Гэнлань, тебе и впрямь не следовало силой отбирать вещь у сестры. Ей ведь всего шесть лет. Если бы на заднем склоне горы с ней что-то случилось, как бы ты потом смотрел в глаза родителям, которые только и думают о твоём будущем?

Гэнлань уставился на этого так называемого брата. Его светлые, прозрачные, точно янтарное стекло, глаза расширились от потрясения. Он во все глаза смотрел на человека, который с таким благообразным видом лил наглую ложь. Ещё вчера в нём теплилась глупая надежда: раз уж он бесполезный калека без корней и сил, то, возможно, в этом доме его оставят в покое. По крайней мере, Не Юньчжэнь не станет больше изощряться в издевательствах.

Сделав глубокий вдох, Гэнлань изо всех сил попытался усмирить бушующий в груди гнев.

— Не Юньчжэнь. Ты сам отдал мне эту подвеску.

Шэнь Дуаньфэн печально вздохнула:

— Гэнлань, зачем ты упрямишься? Ты хоть понимаешь, что это за вещь?

Губы Не Юньчжэня дрогнули в едва заметной, издевательской ухмылке.

— Эта штука — камень сохранения образов. Он запечатлевает каждое слово и действие. К сожалению, дорогой брат, у тебя нет ни капли духовных сил, так что пробудить его ты бы не смог при всём желании.

С тихим свистом Не Чжунъюань сотворил заклинание, и яшмовая подвеска сорвалась с пояса Гэнланя, послушно приземлившись в отцовскую ладонь. В тот же миг артефакт ярко вспыхнул. В воздухе соткалось зеркало из чистой воды и света, в котором проявились фигуры Не Юньчжэня и маленькой Не Юньцзинь.

— Сестрёнка, это тебе. Нравится?

— Спасибо, братец Юньчжэнь! Какая красивая подвеска! И это камень сохранения образов? Мне очень нравится!

Не Юньчжэнь ласково погладил девочку по голове, мягко улыбаясь:

— Я рад, что тебе по душе.

Сердце Гэнланя болезненно сжалось. Ощущение удушья ледяной волной затопило грудь.

— Это ложь! Всё не так! — крикнул он, задыхаясь. — Не Юньчжэнь, если у тебя осталась хоть капля смелости, повтори то, что говорил мне вчера наедине!

— Мерзавец! — громыхнул Не Чжунъюань, прерывая его. — И ты ещё смеешь отпираться?! Мало того что набрался в своём захолустье дурных привычек, так ещё и грабишь младшую сестру!

Не Юньфэй с видом триумфатора ткнул пальцем в пустое место на поясе Гэнланя:

— Жалкий смертный! Быстро вернул подвеску!

Шэнь Дуаньфэн недовольно нахмурилась:

— Юньфэй, прекрати называть его так. Он твой старший брат.

— Но он вор и лжец! — захныкал Не Юньфэй, выпятив губу и принимаясь капризничать. — Он плохой! Такой человек не заслуживает быть нашим братом! Отец, матушка, я не хочу, чтобы этот никчёмный смертный звался моим братом!

— Хватит! — отрезал Не Чжунъюань. — Прекратите эти дразги. Если кто-то чужой услышит, позора не оберёмся!

Он повернулся к онемевшему Гэнланю:

— А ты...

Гэнлань невольно вздрогнул от этого резкого, гремящего окрика.

— Ступай в родовой храм! Будешь стоять на коленях, пока до тебя не дойдёт вся низость твоего поступка. И выбей наконец из головы эту гниль, которую ты притащил из мира смертных!

Губы Гэнланя дрогнули, светлые глаза заволокло влажной пеленой, но он упрямо вскинул подбородок. Он хотел оправдаться, закричать, доказать свою правоту, но вовремя понял, что его никто не станет слушать. Юноша медленно опустил голову. Его пальцы судорожно сжались в кулаки, ногти до боли вонзились в ладони, оставляя глубокие багровые полумесяцы.

Управляющий Ван лично проводил его в холодный полумрак храма предков. Он молча смотрел на хрупкую фигуру юноши, опустившегося на ледяные каменные плиты в самом центре зала. Спина Гэнланя была прямой, во всём его облике сквозило бесприютное, гордое одиночество.

Тихо вздохнув, управляющий негромко произнёс:

— Молодой господин, мне придётся активировать ледяной массив. Держитесь.

С этими словами под ногами юноши разлилось тусклое лазурное сияние. Оно поднялось вверх, соткав вокруг него плотный морозный кокон.

Гэнлань мелко задрожал от пронзившего его холода.

— Дядя Ван... — раздался его тихий, надтреснутый голос. — Эту подвеску действительно отдал мне Не Юньчжэнь. А близнецы силой отобрали её. Я побежал за ними только ради того, чтобы вернуть своё. Вы... вы верите мне?

Управляющий Ван уже дошёл до массивных дверей храма. Не оборачиваясь, он негромко обронил:

— Второй молодой господин, молва способна расплавить металл. Если твой голос слишком слаб, чтобы перекричать толпу, то лучшее, что ты можешь сделать — это затаиться, уйти с головой в совершенствование и стать сильнее. Наступит день, когда одного твоего слова будет достаточно, чтобы заставить замолчать любого.

Гэнлань замер. В его памяти мгновенно всплыли слова, услышанные от матери в самый первый день его прибытия в поместье: «В мире совершенствования правит закон джунглей. Здесь уважают только силу».

Постепенно в глубине его потухших глаз затеплился слабый, но упрямый огонёк. Черты лица заострились, являя непоколебимую решимость.

Однако вспыхнувшая решимость быстро начала гаснуть под беспощадным натиском ледяного массива. Родовой храм был суровым испытанием даже для практиков — без защиты духовной энергии или особых талисманов противостоять этому морозу было невозможно. Что уж говорить о хрупком теле обычного человека.

Уже через полчаса Не Гэнлань начал оседать, его шатало из стороны в сторону. Он изо всех сил обхватил себя руками, крупно дрожа всем телом. Вскоре на его бровях и кончиках волос выступил сизый иней. На фоне этой мертвенной белизны его и без того бледная кожа казалась почти прозрачной, делая юношу похожим на хрупкого, угасающего старика.

Кабинет.

— Сила этого Человека в белом одеянии поистине безгранична, — с тревогой произнесла Шэнь Дуаньфэн. — Он проник за пределы нашего защитного барьера, а мы даже не поняли, когда это произошло.

Не Чжунъюань стоял у окна, заложив руки за спину.

— Я уже приказал укрепить защитные рубежи поместья. Меня беспокоит другое: зачем этот Человек в белом одеянии похитил мерзавца, а потом отпустил его без единой царапины? Чего он добивается?

В голосе Шэнь Дуаньфэн зазвучал мягкий упрёк:

— Чжунъюань, он твой сын. Не стоит судить его так строго за один единственный проступок. Мальчик рос в диком, жестоком мире смертных. Если мы проявим к нему каплю терпения и

тепла, его сердце со временем оттаёт.

— Дерево гнётся, пока молодо! — жёстко отрезал Не Чжунъюань. — Ему уже шестнадцать. Тот, кто сегодня без зазрения совести грабит собственную сестру, завтра продаст наш клан демонам! У этих порождений бездны нет ни чести, ни сострадания, и он станет таким же!

— Чжунъюань, он пробыл с нами всего несколько дней, — вздохнула женщина. — Не нужно спешить с выводами. Нам просто нужно время, чтобы направить его на верный путь.

— Хм! Если из-за его выходок расстроится помолвка с кланом Син, я посмотрю, как этот калека до конца своих дней будет прозябать в неизвестности! Другого шанса устроить его судьбу у нас не будет.

Храм предков.

Минуло два долгих часа. Никто в огромном поместье не вспомнил о замёрзшем юноше. Гэнлань всё так же неподвижно стоял на коленях на узорчатых каменных плитах, его тело уже покрылось тонкой ледяной коркой. Но упрямый нрав не позволял ему сдаться. Он предпочёл бы замёрзнуть насмерть, но не опустил бы головы перед несправедливым приговором.

Внезапно тишину нарушил лёгкий шорох шагов. В полумрак храма проскользнула фигура.

Увидев скованного стужей юношу, гостя не сдержала испуганного крика:

— Гэнлань!

На его заледеневшие плечи опустился тяжёлый, подбитый мехом плащ. Руки юноши, которыми он пытался согреться, намертво пристыли к бокам, скованные безжалостным льдом. Шэнь Дуаньфэн прерывисто вдохнула, у неё перехватило дыхание от ужаса при виде этой картины.

Гэнлания спешно перенесли в Обитель Плывущих Облаков. Шэнь Дуаньфэн принялась без устали творить лечебные заклинания, стараясь вернуть тепло в его безжизненное тело.

Даже в беспамятстве юноша продолжал съёживаться от холода, его колотило так, словно он всё ещё находился посреди ледяного урагана.

Лишь когда чары растопили последний слой сковавшей его ледяной брони, женщина смогла вздохнуть с облегчением. Она сотворила технику рассеивания холода, окутав сына мягким золотистым светом.

— Глупое дитя... зачем же так упорствовать... — тихо прошептала Шэнь Дуаньфэн, качая головой.

Юго-запад материка Струящейся Луны, клан Син.

В юго-западной части материка Струящейся Луны раскинулись владения влиятельного клана Син.

Наследник этой семьи, Син Цзянь, с ранних лет славился своей выдающейся красотой и весьма вольным нравом. Он не только сам обладал исключительной внешностью, но и питал слабость ко всему прекрасному. Даже слуги, отбравшиеся в его личные покои, отличались утончёнными чертами лица.

Сам молодой господин любил повторять, что созерцание прекрасного пробуждает скрытые резервы человеческого тела и несказанно способствует быстрому продвижению на пути самосовершенствования.

Неизвестно, принимал ли его отец эти рассуждения всерьёз, однако, когда перед Син Цзянем развернули свиток с портретом недавно обретённого младшего сына семьи Не, молодой человек замер. Его глаза алчно блеснули, а рука неловко задела стоявшую рядом пиалу с редкими духовными плодами, опрокинув её на стол.

— И это... тот самый потерянный сын клана Не?

Глава семьи Син усмехнулся:

— Слышал, его совсем недавно забрали из мира смертных. Цзянь-эр, пусть он всего лишь обычный смертный, но нашему клану не занимать редких эликсиров и духовного оружия. Если тебе пришёлся по сердцу этот юноша...

— Нравится! Ещё как нравится!

Син Цзянь с восторгом прижал свиток к груди, оставив на шёлке несколько поцелуев.

— Отец, этот красавец просто невероятен! От одного лишь его изображения дух захватывает. Могу представить, как ослепителен он на самом деле!

Глава клана Син покачал головой:

— Значит, теперь ты без лишних капризов отправишься в Школу Окружающего Тумана?

— Конечно! Премного благодарен, отец!

Напевая весёлый мотивчик, Син Цзянь вернулся в свои покои. Он тотчас выставил слуг за дверь и бережно закрепил портрет на резной ширме. Прищурившись, он принялся медленно, деталь за деталью, смаковать каждую черту лица юноши.

«Пусть у него тело обычного человека, в его венах всё равно течёт кровь заклинателей. И неважно, сколько у него духовных корней. Ради такого сокровища я расшибусь в лепёшку, но сделаю его своим сосудом для парного совершенствования! Когда такой редкий красавец будет ублажать меня во время медитаций, я без труда обойду всех выскочек из Школы Окружающего Тумана»

Пока он предавался сладостным фантазиям, в комнату внезапно ворвался резкий порыв сквозняка. Белые шёлковые занавеси взметнулись вверх, бешено заплясав в полумраке, точно призрачные тени в лунном свете, привнося в ночную тишину зловещее, странное предчувствие.

<http://bllate.org/book/20023/1994729>